

Задача сельско-хозяйственной культуры на югъ Россіи.

(Результаты работъ на опытномъ полѣ херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища).

Статья первая.

Когда я принялъ въ свое завѣдываніе земское сельско-хозяйственное училище въ Херсонѣ, что было въ іюль 1878 года, я не наслѣдовалъ въ немъ никакого опытнаго поля, т. е. одного изъ самыхъ серіозныхъ учебныхъ пособій, безъ котораго никакое „практическаго характера“ преподаваніе не можетъ быть практическимъ.

Относительно необходимости *опыта* и *средствъ добывать его*, въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ сельско-хозяйственное, едва ли нужно и говорить — такъ это ясно само собою. Но объ условіяхъ, такъ сказать — усиленной необходимости и опыта и опытнаго поля въ такомъ сельско-хозяйственномъ училищѣ, какъ херсонское, — можно сказать нѣсколько словъ, которые послужатъ нѣкотораго рода „предупрежденіемъ“ ко всему тому, что будетъ говорено дальше.

Новороссія и до сихъ поръ — не безъ основанія — продолжаетъ считаться краемъ новымъ, гдѣ не установились никакіе хозяйственные принципы. Правда, русское сельское хозяйство, предоставленное чуть не исключительно самому себѣ, — обновлявшееся и улучшавшееся не собственными внутренними силами, а получавшее это обновленіе и улучшеніе путемъ совершенно внѣшнимъ — зайдетъ какой-нибудь иностранецъ и — занесетъ что-нибудь съ собой — всюду почти находится въ одинаковомъ положеніи относительно раціональнаго опыта, покупаемаго болѣе или менѣе самостоятельнымъ и постояннымъ трудомъ, но — Новороссійскій край, будучи отечествомъ людей пристраивавших-

ся въ немъ со всего свѣта, въ сказанномъ смыслѣ находится при условіяхъ еще худшихъ. Если здѣсь и до сихъ поръ не все *ново*, въ настоящемъ значеніи этого слова, то—все пестро, до невозможности слиться въ что-нибудь гармоническое цѣльное, безъ вліянія какого-нибудь сильнаго, объединяющимъ образомъ дѣйствующаго культурнаго начала. Укрѣпись, напримѣръ, и уцѣли здѣсь, еще Потемкинымъ учрежденная, подъ наблюденіемъ профессора *Леванова*, земледѣльческая школа или порученная англичанину *Гульду* ферма, (см. Матеріаль для географіи и статистики Россіи. Херсонская губернія. Шмидта. Т. I, стр. 59), Новороссійскій край, въ числѣ своихъ сверстниковъ, имѣлъ бы и названное нами *культурное начало*, которое за сто лѣтъ, слишкомъ, существованія успѣло бы сдѣлать свое дѣло. Началомъ этимъ былъ бы *опытъ*.

Такое большое значеніе даемъ сельско-хозяйственному опыту потому, что говоримъ о сельскомъ хозяйствѣ края, а съ другой стороны и потому, что сельское хозяйство именно и служило притягательною силой для стекавшагося со всѣхъ сторонъ народа.

Но—какъ многимъ хорошимъ начинаніямъ — и потемкинской школѣ суждено было погибнуть; такъ погибнуть, что ее не знаетъ и исторія нашего сельско-хозяйственнаго образованія. Неизвѣстно—осуществилось ли и въ какой мѣрѣ осуществилось начинаніе Потемкина въ этомъ отношеніи, дѣйствовала ли его „на англійскій манеръ“ устроенная форма, исполняла ли она въ какой либо мѣрѣ свое назначеніе—„снабжать флотъ горохомъ, фасолью, салатомъ и солониной“... Край развивался, его сельско-хозяйственная дѣятельность росла; уже потомъ—сельско-хозяйственные его интересы перешли въ руки, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ возникшаго, сельско-хозяйственнаго общества, а потому... сельско-хозяйственная культура должна была вырабатывать себѣ что-нибудь единое совокупными усиліями, сходящихся нѣмцевъ, грековъ, сербовъ, болгаръ и племень чисто русской національности, стекавшихся—волей и неволей—изъ сѣверныхъ, восточныхъ и центральныхъ губерній Россіи.

Едва ли можно сказать, чтобы сто лѣтъ этого процесса доставили что-нибудь дѣйствительно руководящее: если единство какое-нибудь и получилось, то оно произошло сліяніемъ того хорошаго, что могли принести съ собою люди болѣе культурныхъ странъ съ занесеннымъ болѣе или менѣе оту-

речившимися національностями, разбавленнымъ элементомъ, дѣйствительнаго хозяйствованія чуждавагося и противухозяйственными принципами гордившагося, запорожскаго казачества. Вслѣдствіе численнаго преобладанія малороссійскаго элемента, который былъ здѣсь болѣе или менѣе на мѣстѣ и въ силу болѣе цивилизованнаго вліянія нѣмцевъ, получилась „нѣмецко-малороссійская“ культура—нѣчто въ родѣ „французскаго съ нижегородскимъ“. Нѣмецкая разсчитливость и малороссійская селонность къ нѣгѣ составляютъ господствующій колоритъ преобладающаго въ мѣстности хозяйства, описать особенности котораго, въ какихъ-либо точныхъ выраженіяхъ, мы на себя взять не можемъ.

Какъ бы то ни было, но въ Новороссіи, менѣе нежели гдѣ-нибудь въ Россіи, дѣломъ хозяйства руководить какой-нибудь коренной принципъ, который можно было бы признать за послѣдствіе серіознаго наблюденія: сѣютъ озимъ и въ августѣ, и въ ноябрѣ, ярь сѣютъ и по предварительному взмету, и вовсе безъ пахаты,—наволокою, т. е. заборониваютъ сѣмена по полю совсѣмъ не паханому, а иногда даже и этого труда себѣ не даютъ, а просто—разсѣваютъ зерно, и по землѣ его принявшей гоняютъ стадо овецъ, которыя затаптываютъ зерно своими ногами: бываетъ, что родить, бываетъ и нѣтъ; будетъ дождь—все будетъ! Вотъ главная основа культуры. А кто же знаетъ—будетъ дождь или не будетъ; ѣсть же между тѣмъ необходимо нужно.

Послѣдніе годы, впрочемъ, сильно поколебали эту теорію и заставляютъ подумать. Ясно одно, что прежде, изъ всѣхъ описанныхъ способовъ—каждый давалъ больше результатовъ.

Нужно подумать!

Думать должны были и мы, должны были давать думать и нашимъ воспитанникамъ, по идеѣ устроителей школы назначавшихся служить преимущественно практическимъ интересамъ мѣстнаго хозяйства.

Вотъ назначеніе того опытнаго поля, которое должно было устроиться при училищѣ; оно должно было служить для разрѣшенія культурныхъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ мѣстному хозяйству. Обще научные вопросы тутъ являлись второстепенными, а обиліе вопросовъ, именно мѣстнаго хозяйства, по мѣрѣ того какъ мы входили въ него и осваивались, оказалось столь громаднымъ, что съ нимъ не покончимъ и въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ.

Частью общія соображенія, частью случайныя обстоятельства, встрѣтившіяся еще въ томъ же 1878 году на училищномъ полѣ, направили работу предполагавагося опытнаго поля на вѣрную дорогу; за путь этотъ мы, во всякомъ случаѣ, должны признать себя обязанными, особенно работамъ *Вилгельма*, начатымъ нѣсколько лѣтъ назадъ и направленнымъ къ изслѣдованію вопроса о „*вліяніи степени разрыхленія почвы и покрытія ее растеніями на степень ея влажности*“.

Въ странѣ, страдающей отъ засухъ прежде всего, вопросъ о влагѣ въ почвѣ и способахъ запаса ея, естественно, представляется важнымъ.

Чтобы поставить такой вопросъ и сдѣлать его предметомъ изслѣдованія культурнаго опыта, необходимо было ознакомиться:

- во 1) съ общимъ положеніемъ вопроса о мѣстномъ климатѣ, насколько онъ характеризуется обиліемъ и распределеніемъ влаги, достающей почвѣ;
- во 2) фактически ознакомиться съ

приемами мѣстной культуры, оставляя въ сторонѣ вліяніе на нее экономическихъ условій, и такъ какъ вопросъ дѣлался специальнымъ,

въ 3) изучать въ этомъ отношеніи литературу характеризующую мѣстность, и вообще литературу по вопросу.

Такихъ метеорологическихъ наблюденій, которыя ближайшимъ образомъ соотвѣтствовали бы сельско-хозяйственнымъ интересамъ, найти, конечно, было негдѣ,—въ самомъ училищѣ организовано ихъ не было; хотя, конечно, наблюденія, какъ метеорологическія, имѣютъ настоящую цѣну лишь тогда, когда они охватываютъ большой періодъ времени, но во всякомъ случаѣ и непродолжительныя, но чисто съ сельско-хозяйственною цѣлью произведенныя наблюденія, могли бы ориентировать. Для сельско-хозяйственныхъ цѣлей громадное значеніе имѣютъ наблюденія надъ температурою почвы, такъ какъ это одинъ изъ факторовъ, который должна имѣть въ виду земледѣльческая культура. Припомнимъ слова Веселовскаго: „въ отношеніи теплоты, вѣтви и корни растений взаимно мѣняются ролями въ обѣ половины года, если ростъ отдѣльныхъ частей растенія есть функція теплоты, то должно думать, что зимою корни сильнѣе развиваются нежели лѣтомъ“.

Въ какомъ, дѣйствительно, отношеніи находится температура воздуха и почвы—показанія эти мы имѣемъ всего только для двухъ мѣстностей въ Россіи—Кишинева (наблюденія *Денина*) и Горога (наблюденія *Целминскаго*); мы приведемъ первыхъ, какъ болѣе продолжительныхъ и ближайшія къ мѣстности насъ интересующей.

Средняя изъ 10 лѣтъ:

	Температ. почвы 1 ар. глуб.	Температ. воздуха.
Январь . . .	2,40 R ⁰	3,31 R ⁰
Февраль . . .	1,77 „	0,61 „
Мартъ . . .	2,17 „	1,65 „
Апрѣль . . .	4,51 „	7,57 „
Май . . .	9,23 „	13,54 „
Іюнь . . .	13,60 „	17,44 „
Іюль . . .	15,56 „	18,35 „
Августъ . . .	15,81 „	17,90 „
Сентябрь . . .	14,12 „	12,21 „
Октябрь . . .	11,33 „	9,09 „
Ноябрь . . .	7,76 „	3,14 „
Декабрь . . .	4,18 „	0,93 „
Годъ . . .	8,54 „	8,00 „

Таблица эта показываетъ, что движеніе температуры въ почвѣ совершается гораздо медленнѣе, нежели въ воздухѣ; опустившись до наибольшаго minimum'a, температура почвы поднимается гораздо медленнѣе температуры воздуха; но за то достигнувъ maximum'a, она и опускается сравнительно медленнѣе, что, безъ сомнѣнія, должно имѣть громадное значеніе для растительной жизни, и въ связи съ прочими относящимися сюда явленіями,—обуславливать извѣстные культурные приемы, напримѣръ, опредѣленіе времени посѣва растений. Къ сожалѣнію, данныя, въ этомъ отношеніи, до такой степени скудны и такъ мало разработаны, что ихъ нѣтъ возможности пока утилизировать для какихъ-либо практическихъ цѣлей. М. Неручевъ.